

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА С КОРЕННЫМИ МАЛОЧИСЛЕННЫМИ НАРОДАМИ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье исследуется динамика взаимодействия российского государства с коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2000-х гг. через призму теории Адиджиоглу-Робинсона. Согласно этой теории, создание Госкомсевера можно интерпретировать как попытку государства легитимировать контроль над территориями коренных народов через риторику защиты их прав.

Особое внимание уделяется роли Госкомсевера в разработке федеральных программ социально-экономического развития. В статье показано, что программы, нацеленные на интеграцию коренных народов в рыночную экономику, игнорировали их культурные специфики, что привело к маргинализации традиционных укладов. Это подтверждает тезис авторов теории о том, что государственные проекты модернизации часто усиливают социальное неравенство, маскируя его под прогресс.

Изучение взаимодействия Госкомсевера с другими органами власти раскрывает механизмы бюрократической социализации, где партнерство с коренными народами становилось инструментом

СТОРОЖУК Михаил Владимирович – аспирант Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: info@storojuk.ru, SPIN-код: 2205-0496, ORCID: 0009-0002-3221-0697

Ключевые слова: постсоветское государственное управление, социальная инженерия модернизации, конфликт традиции и прогресса, бюрократическая социализация

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_3_41

символического включения, а не реального диалога. Законодательные инициативы в рамках теории Адиджиоглу-Робинсона рассматриваются как формализация государственного доминирования, где права коренных народов ограничивались рамками, удобными для ресурсной эксплуатации их территорий.

Уход с исторической арены Советского Союза стал отправной точкой масштабного институционального перехода, который, несмотря на заявленные демократизацию и переход к рыночным реформам, на практике во многом воспроизвел логику экстрактивных институтов, характерных по мнению Дарона Аджемоглу и Джеймса А. Робинсона, в большей степени для авторитарных систем. Если следовать их терминологии, такой переход можно интерпретировать как неудачную попытку трансформации экстрактивных структур в инклюзивные, где ключевым барьером выступила устойчивость властных иерархий, подавляющих широкое политическое участие и перераспределение ресурсов. Наиболее наглядно эта динамика проявилась в политике государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера и Дальнего Востока – группе, чьи права и интересы систематически маргинализировались, как в советский, так и в постсоветский периоды. Глубокий кризис советской государственности привел к ослаблению механизмов перераспределения ресурсов. Отмена льгот и субсидий, а также формальное принятие закона № 82-ФЗ (1999) о правах коренных народов наглядно отразил тот разрыв, который возник между де-

кларативными институтами и их реальным воплощением. Этот разрыв – один из ключевых признаков экстрактивных систем, где права уступают место интересам элит.

Созданный в 1990 году Госкомсевер, который должен был решать вопросы народов севера, изначально функционировал как централизованный институт с экстрактивной логикой. Несмотря на заявленные цели поддержки коренных народов, его деятельность концентрировалась на гораздо более широком круге вопросов: северный завоз, субсидии для промышленных проектов и пр., тогда как проблема защиты прав локальных сообществ оказались на втором плане. В данном случае вполне уместно сравнение с Комитетом Севера 1924 года. Однако это были совершенно разные по своей сути государственные структуры. Комитет Севера при ВЦИК был создан для защиты прав и интересов народов Севера с целью их вовлечения в социалистическое строительство. Без его согласия ни одно ведомство не могло осуществлять свои мероприятия в районах проживания коренных народов. Тогда как Госкомсевер в большей степени был ориентирован на решение гораздо более широкого круга задач, в первую очередь связанных с северным завозом. Поэтому проблемы корен-

ных народов были далеко не самыми важными в его деятельности.

Циклы реорганизаций Госкомсевера (1994–2000) являются яркой иллюстрацией нестабильности экстрактивных институтов, которая связана с тем, что они находятся в глубокой зависимости от краткосрочных интересов властных коалиций. Его поглощение министерствами (национальностей, регионального развития) и последующие восстановления отражали не системный подход, а борьбу за ресурсы и влияние между группами элит. Как отмечают Аджемоглу и Робинсон, слабость институтов усугубляется отсутствием плюрализма, что в итоге проявилось в игнорировании требований Ассоциации коренных народов и региональных лидеров.

Многообразию и обилию управленческих структур, которые должны были заниматься проблемами коренных народов севера (только на федеральном уровне в него входило более 20 министерств, ведомств, комитетов Федерального Собрания, структурных подразделений администрации Президента), усугублялось практически непрерывным их реформированием и кадровой чехардой. В общей сложности за 24 года произошло 14 реорганизаций. В ряде случаев руководители занимали свои должности всего несколько месяцев. Все это разрушало преемственность политики, что типично для ситуации, когда институты подчинены целям узких групп, а не общественному благу. Передача функций защиты прав коренных

народов Министерству культуры (2014), а затем вновь образованное Федеральное агентство по делам национальностей (2015), наглядно отражает полную маргинализацию их проблем в иерархии государственных приоритетов. Окончательная ликвидация Госкомсевера в 2000 г. видится во многом символической. Во многом она подобна тому, как ликвидация во второй половине 30-х гг. Комитета Севера при ВЦИК означала отказ от особых подходов в работе с народами Севера. В свою очередь упразднение Госкомсевера в 2000 году ознаменовало собой начало нового этапа взаимоотношений государства и аборигенных сообществ – отказ государства от политики протекционизма.

Программы, которые в 90-е изначально задумывались как механизм государственного протекционизма, потерпели полный крах. Прежде всего, по причине резкого и непрерывного сокращения финансирования. Так в 1994 г. оно было урезано в 6 раз, в 1995 – еще в 4 раза. При этом если в 1991 г. программа была профинансирована на 30%, то в 1995 г. – на 2,2%. Подготовка новой Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года» с акцентом на «современное оборудование» и «восстановление госзаказа» лишь повторяла ошибки: вместо создания стимулов для самоуправления, власти воспроизводили патернализм, усиливая зависимость общин от центра. В терминах Аджемоглу–Робинсон, это пример «прова-

ла благих намерений»: программы, не подкрепленные инклюзивными институтами, обречены на зависимость от краткосрочных интересов элит.

Так программа развития экономики и культуры КМНС на 1991–1995 гг. по своей идеологии напоминала аналогичные программы, которые существовали в СССР. В обосновании ее целей говорилось: «Программа не предусматривает осуществления мероприятий только для коренных народов, она адресуется всему населению этих районов»¹. К чему это приводило хорошо видно из статьи инструктора ЦК КПСС А. Филина, побывавшего в национальных амурских селах в 1988 г. На страницах «Советской культуры» он писал: «Если по Хабаровскому краю на развитие районов проживания народностей Севера вложено по постановлению партии и правительства около двух миллиардов государственных капиталовложений, то почему ни рубля не дошло до мест, где действительно проживают эти народы, до сел Кальма, Монгол, Белоглинка, Тнейвах?» [1].

Принятая еще в советское время практика латания дыр за счет средств, предназначенных коренным малочисленным народам, действовала и в новых условиях. Даже те скромные деньги, которые Госкомсевер выделял регионам для решения проблем коренных народов, до адресатов во многих случаях не доходили. Так, например, больше

половины средств, выделенных в 1992 г. коренным народам Приморского края, администрация направила на жилищное и социально-культурное строительство в селах, которые к коренным народам никакого отношения не имели.

Постсоветская институциональная динамика в отношении коренных народов России воспроизвела порочный круг экстрактивности: слабые институты, зависимые от интересов элит, не смогли обеспечить инклюзивные права или устойчивое развитие. Отсутствие политического плюрализма, децентрализации и механизмов подотчетности превратило даже прогрессивные законы в фикцию, углубив социально-экологическую уязвимость. Это подтверждает тезис авторов: без инклюзивных институтов попытки долгосрочного устойчивого развития территорий остаются поверхностными, а кризисы – перманентными. Экономически эти программы соответствовали логике экстрактивности. В результате резко увеличился рост браконьерства и возникла утрата контроля над ресурсами (рыболовство, лес), что является наглядным примером отсутствия инклюзивных прав собственности. Коренные общины, лишённые механизмов защиты земель, стали жертвами ресурсного захвата, типичного для систем, где экономические институты служат извлечению ренты, а не созданию стимулов для развития.

На период работы Госкомсевера пришлось самая болезненная ком-

¹ ГАРФ, ф.10200, оп.5, д.6062, л.13

пания реформ – реорганизация оленеводческих совхозов и других предприятий традиционного хозяйственного комплекса. Долгое время эти реформы исходили из представлений о том, что достаточно убрать из хозяйственной жизни коренных народов государство, и все образуется естественным образом. Но результаты оказались совершенно иными. Разрушение сельского и промышленного хозяйства в районах проживания коренных народов привело к резкому снижению занятости, уровня и качества жизни. Уровень безработицы коренных народов в 1992–1997 гг. вырос в Приморье в 9,5 раза, в Корякском округе – в 9,4, в Хабаровском крае – в 8,7, а Амурской области – в 4,4. В отдельных национальных селах безработица достигала 75–80% [2, с. 128].

Деиндустриализация 1990-х разрушила колхозы – элементы ограниченной инклюзивности советской системы, – что усилило зависимость коренных народов от экстрактивных рыночных структур. Промышленная экспансия 2000-х (проекты «Сахалин-2», «Сила Сибири») воплощает рентоориентированное поведение элит, где прибыль от ресурсов извлекается через нарушение экологических и социальных прав. Конфликты с нивхами и эвенками – прямое следствие асимметрии власти: инклюзивные права (на землю, рыболовство) приносятся в жертву интересам корпораций, тесно связанных с государством. Протесты эвенков против добычи урана («Хиагда») маргина-

лизируются из-за отсутствия инклюзивных политических каналов, что типично для систем, где элиты монополизируют принятие решений.

В этом же ключе стоит оценивать и процессы урбанизации и ассимиляции молодежи, которые, по сути, являются экстрактивной ассимиляцией, разрушающей традиционные институты. Однако цифровые технологии и НКО создают островки инклюзивности, позволяя коренным народам хоть как-то заявлять о своих правах. Этнотуризм («Берингия», шаманские шоу) – пример экстрактивной коммодификации культуры, где традиции превращаются в товар без перераспределения выгод. Это противоречит инклюзивной модели, где культурные права подкрепляются экономическими возможностями.

Ликвидация Госкомсевера в 2000 году, как и упразднение Комитета Севера в 1930-х, стала символическим актом перехода от формального протекционизма к усилению экстрактивных институтов. В рамках теории Аджемоглу и Робинсон такое положение дел объясняется как типичный пример цикла централизации власти, когда государство отказывается даже от ограниченной поддержки маргинализованных групп в пользу контроля над ресурсами. Фрагментация ответственности за вопросы коренных народов между министерствами (регионального развития, культуры, природных ресурсов) только усилила все эти негативные тенденции. Такие решения во многом

отражают стремление узких властных элит, предпочитающих концентрировать ренту, а не инвестировать в инклюзивное развитие. Как отмечает В.А. Кряжков, «В зависимости от того, в какое ведомство они попадали, можно судить о том, в каком контексте в тот период рассматривались северные народы: территориальном, региональном, национальном, федеративном, экономическом» [3, с. 452]. Частая смена ведомств превратила коренные народы в инструмент символической политики, где их проблемы подменялись текущими приоритетами элит: территориальными, экономическими или федеративными. Это подтверждает тезис Аджемоглу–Робинсона о том, что институты, не подкрепленные широким участием, становятся исключительно инструментом извлечения выгод, а не решения социальных задач.

В свою очередь региональные структуры управления (Магадан, Сахалин, Чукотка) в условиях, которые устанавливаются центром, лишь имитируют инклюзивность. Их подчинение аппарату губернаторов или профильным министерствам (например, природных ресурсов в Хабаровске) полностью идет в русле ресурсной логики: контроль над землями и промыслами важнее защиты прав. Даже в Камчатском крае, где было создано Министерство по делам Корякии, которое в настоящее время преобразовано в Министерство по внут-

ренней политике и развитию Корякского округа Камчатского края, происходят постоянные реорганизации и изменения. В свою очередь на районном уровне отсутствие специализированных кадров превращает поддержку коренных народов в фикцию, что характерно для систем, где децентрализация имитируется, а не реализуется.

«Программа 2000», провозгласившая переход от патернализма к партнерству с коренными народами через госконтракты с их ассоциациями, на деле стала классическим примером имитации инклюзивности в экстрактивной системе. Итогом этой программы может служить оценка, которую этой программе дал III съезд коренных малочисленных народов (1997). В его резолюции отмечалось, что «Программа 2000» не в полной мере отражает интересы и чаяния наших народов, она больше привлекательна для разных министерств и ведомств и субъектов федерации, которые используют ее средства в своих целях»².

Как отмечают Аджемоглу и Робинсон, инклюзивные институты требуют перераспределения власти, а не ее делегирования на бумаге. Включение общин в распределение средств без передачи реальных рычагов влияния лишь укрепило контроль элит над ресурсами, превратив «партнерство» в инструмент легитимации экстрактивных практик. Министерство финансов, маскируя свою позицию под «либе-

² ГАРФ, ф.10200, оп.5, д.9276, л.44

ральное равенство», фактически защищало монополию на ресурсы, отменяя льготы (земельные, налоговые, лесные) и блокируя доступ коренных народов к традиционным промыслам. Это не «равенство», а стратегия исключения, типичная для систем, где элиты видят в автономии маргинализированных групп угрозу своей власти. Если коротко отразить суть этих процессов, то их можно выразить следующим образом.

Цикл экстрактивности в действии:

1. Иллюзия инклюзивности. Формальное включение ассоциаций коренных народов в исполнение программ (например, ФЦП до 2010 г.) создавало видимость участия. Однако создание «рыночных механизмов» (фактории, цеха) без передачи прав собственности и доступа к рынкам лишь углубляло зависимость общин от государственных контрактов, воспроизводя патернализм;

2. Саботаж через нестабильность. Ликвидация Госкомсевера в момент согласования программы и передача ее Министерству регионального развития (отрицавшему специфику Севера) продемонстрировали институциональную хрупкость, присущую экстрактивным системам. Реформы зависят не от долгосрочных целей, а от конъюнктурных интересов правящих коалиций;

3. Идеология как инструмент исключения. Риторика Минфина о «равенстве всех граждан» служила прикрытием для изъятия ресурсов

у коренных народов. Отмена льгот, запрет внеконкурсного доступа к угольям и отказ от налоговых послаблений – все это усиливало асимметрию власти, оставляя общины без защиты перед промышленными лобби.

Резонно возникает вопрос: «Почему ведомства игнорировали реальные проблемы»? Ответ очевиден. Министерство регионального развития, отрицавшее специфику северной экономики, и другие структуры действовали в логике экстрактивной рациональности:

– унификация правил (отказ признавать уникальность Севера) упрощала контроль над территориями;

– отрицание коллективных прав коренных народов облегчало передачу ресурсов в руки крупных корпораций;

– ротация кадров (например, «специалисты», чьи обязанности сводились к «куда пошлют») делала институты управления непрофессиональными и подконтрольными.

«Программа 2000» и последующие инициативы, подтверждают тезис о том, что экстрактивные системы неспособны к инклюзивным реформам. Даже декларируемый переход к «партнерству» остается фикцией.

Коренные народы Севера стали заложниками институциональной ловушки, где элиты, контролируя ресурсы, воспроизводят неравенство. Как и в других экстрактивных обществах, выход из этого цикла возможен только через радикальную трансформацию институтов –

переход к системе, где права и возможности распределены, а не сконцентрированы в руках узкой группы. Передача функций поддержки коренных народов с федерального на региональный уровень после 2009 года отражала логику экстрактивных институтов, где ответственность за маргинализированные группы перекладывается на менее ресурсообеспеченные структуры.

Такое явление как крах традиционного хозяйства – является прямым следствием экстрактивной экономической политики, уничтожающей основы самообеспечения. Как отмечают Аджемоглу и Робинсон, разрушение инклюзивных экономических институтов (общинное землепользование, промыслы) ведет к ловушке бедности, где социальная апатия и «геттоизация» становятся нормой. Государственные призывы к самозанятости в таких условиях – пустая риторика, ибо без перераспределения прав на ресурсы инициатива невозможна.

При этом необходимо отметить, что попытки нахождения решения в контексте инклюзивных подходов все же были. Так соглашения между Госкомсевером, ассоциациями коренных народов и предприятиями (например, договор 1996 г. с Всероссийской Ассоциацией) формально декларировали переход от патернализма к партнерству. Однако отсутствие механизмов принуждения и взаимных обязательств превратило их в инструмент символической политики. Соглашения с компаниями («Полиметалл» в Ха-

баровске, золотодобытчики в Магадане) лишь закрепляли зависимость коренных народов от промышленных лобби. Передача 6% от добычи или «инвестиции в культуру» – не акты справедливости, а цена социальной легитимности для продолжения экстракции. Как подчеркивают Аджемоглу и Робинсон, в экстрактивных системах элиты покупают молчание, а не решают проблемы.

Почему инклюзивность осталась мифом?

1. Отсутствие перераспределения власти. Даже в договорах с управленческими функциями (распределение лимитов ловли лосося в Ольском районе) ассоциации становились посредниками элит, а не самостоятельными акторами.

2. Саботаж инклюзивных инициатив. Предложение Госкомсевера распространить госзаказ на продукцию коренных народов было отвергнуто, так как угрожало монополиям – признак сопротивления инклюзивным реформам.

3. Имитация участия. Соглашения между региональными администрациями и ассоциациями (Приморье, Хабаровск) не создали ни одного закона.

Без перехода к инклюзивным институтам – где права на землю, ресурсы и самоуправление защищены, а власть рассредоточена – коренные народы останутся заложниками рентоориентированного равновесия, где их развитие определяется не потребностями, а интересами элит. Принятие трех ключевых федеральных законов

(1999–2001 гг.), формально защищающих права коренных малочисленных народов, стало классическим примером имитации инклюзивности в экстрактивной системе. Как отмечают Аджемоглу и Робинсон, инклюзивные институты требуют не только правовых норм, но и механизмов их реализации, перераспределения власти и ресурсов. Отсутствие таких механизмов (отмеченное даже представителем Минсельхоза в 2000 г.) превратило законы в пустые декларации, что типично для экстрактивных систем, где элиты используют законодательство как инструмент легитимации, а не изменений. Коротко экстрактивную логику этих противоречий можно сформулировать следующим образом:

«Защита без возможностей». Законы концентрировались на сохранении «традиционного образа жизни», исключая из защиты тех, кто интегрировался в современную экономику. Это создало искусственное разделение, где права стали привилегией для «чистых» традиционалистов, а не коллективным достоянием этнических групп. Такой подход, по Аджемоглу–Робинсон, отражает рентоориентированное поведение – элиты контролируют доступ к ресурсам, ограничивая автономию коренных народов.

Цикл нестабильности. Постоянные правки законов (нередко несколько раз в год) и их противоречивость (например, исключение прав общин из закона о местном самоуправлении) демонстрируют институциональную хрупкость.

Это признак экстрактивности: институты меняются не для решения проблем, а для сохранения контроля элит над ресурсами (земля, недра, лес).

Регионализация как децентрализация власти. После ликвидации Госкомсевера законодательная инициатива перешла к регионам, где к 2010 г. действовало 170 нормативных актов. Однако 85% финансирования программ приходилось на Чукотку – регион с высокой концентрацией ресурсов. Это не децентрализация, а фрагментация экстрактивности: местные элиты, как и федеральные, используют законы для управления рентой, а не для развития.

В контексте теории Аджемоглу и Робинсона государственная политика 2000–2020-х годов в отношении коренных народов России демонстрирует доминирование экстрактивных институтов, направленных на извлечение ресурсов в пользу узких элит. Создание ТТП («Территории традиционного природопользования») формально декларировало защиту земель коренных общин, но на практике стало инструментом символической легитимации, позволяя промышленным проектам (нефть, газ, уголь) доминировать. Это соответствует логике экстрактивности: институты имитируют инклюзивность, сохраняя контроль над ресурсами. Закон 2021 года о консультациях, хотя и прогрессивен, остается инклюзивным фасадом в отсутствие механизмов принуждения и политической воли.

Возможно это положение дел получится исправить благодаря новой Концепции устойчивого развития коренных и в России начнется реализация актуализированной Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2036 года которая должна начать работать. С 1 января 2026 года распоряжение о ее утверждении подписал Председатель Правительства Михаил Мишустин. Главные цели концепции – экономическое, социальное и культурное развитие коренных народов, сохранение их исконных территорий проживания, а также поддержка их традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и культуры.

Однако в настоящее время пример коренных народов Дальнего Востока России служит наглядной иллюстрацией тезиса Аджемоглу–Робинсона о том, что экстрактивные институты, доминирующие в политической и экономической системе, не только консервируют неравенство, но и воспроизводят циклы кризисов. Анализ постсоветской институциональной динамики в регионе демонстрирует, как формальные декларации о правах (например, закон № 82-ФЗ) и имитация инклюзивных практик (создание ТТП – территорий традиционного природопользования) маскируют сохранение иерархий власти, где ресурсы и влияние остаются монополией узких элитных групп.

Политическая сфера ярко отражает диссонанс между риторикой и реальностью. Централизация вла-

сти, выраженная в подчинении региональных структур федеральному центру (например, Министерству природных ресурсов), превращает институты местного самоуправления в декоративные механизмы. Законодательные нормы о консультациях с коренными общинами (ст. 5 закона № 82-ФЗ) на практике игнорируются, как в случае с промышленными проектами на Сахалине или Камчатке, где решения принимаются без учета мнения локальных сообществ. Это подтверждает вывод Аджемоглу–Робинсона: экстрактивные системы подавляют плюрализм, блокируя перераспределение власти в пользу широких коалиций.

Экономические институты региона функционируют как инструмент извлечения ренты, а не развития. Добывающие компании (например, «Роснефть» на Сахалине) получают льготы и субсидии, тогда как коренные народы лишаются доступа к традиционным ресурсам из-за ужесточения правил рыболовства или лесопользования. Даже программы «северного завоза», изначально направленные на поддержку удаленных поселений, превратились в канал перераспределения средств в пользу лоббистских групп. Как следствие, зависимость коренных общин от государственных трансфертов растет, а их экономическая автономия разрушается – классический признак экстрактивности по Аджемоглу–Робинсон.

Культурная политика, несмотря на отдельные инклюзивные инициативы (фестивали этнических культур, гранты на языкознание), оста-

ется частью экстрактивной системы. Коммодификация традиций, например, превращение обрядов в туристические аттракционы, подрывает аутентичность и контроль общин над своей идентичностью. Попытки внедрения двуязычного образования в Хабаровском крае столкнулись с отсутствием финансирования и кадров, что отражает системную проблему: культурные институты, лишенные реальных полномочий, становятся инструментом символической политики.

Экологический аспект раскрывает наиболее острые противоречия. Приоритет промышленных проектов (добыча углеводородов, золота) ведет к деградации экосистем, критически важных для традиционного природопользования. Случаи загрязнения рек в Якутии или сокращения популяции лосося на Камчатке – не просто экологические кризисы, но следствие институционального дизайна, где права коренных народов подчинены интересам ресурсных корпораций. Это подтверждает тезис авторов о том, что экстрактивные институты жертвуют долгосрочной устойчивостью ради краткосрочной выгоды элит.

Разрыв порочного круга экстрактивности требует радикального пересмотра институциональных основ.

Во-первых, внедрение инклюзивных политических механизмов – квот представительства коренных народов в региональных парламентах, права вето на проекты, затрагивающие их земли (по аналогии с принципом Free, Prior

and Informed Consent в Конвенции МОТ № 169).

Во-вторых, экономическое перераспределение через закрепление доли ренты от ресурсодобычи в бюджетах общин и поддержку малого предпринимательства (например, этнотуризм или ремесленные кооперативы).

В-третьих, культурная автономия должна включать передачу контроля над образовательными программами и этнобрендами самим общинам, а не внешним «кураторам». Наконец, экологическая политика нуждается в децентрализации – создании независимых советов по мониторингу с участием коренных экспертов.

Однако, как предупреждают Аджемоглу–Робинсон, переход к инклюзивности невозможен без изменения баланса сил. Даже прогрессивные законы (например, о территориях ТТП) останутся фикцией, пока власть сохраняется в руках групп, заинтересованных в экстракции. Пример народов Дальнего Востока демонстрирует: частичные реформы, не подкрепленные перераспределением власти, лишь усиливают имитационный характер институтов. Таким образом, ключевой вызов для России – не создание новых комитетов или программ, а формирование широких коалиций, способных бросить вызов экстрактивной логике.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что устойчивое развитие коренных народов возможно лишь в рамках инклюзивной системы, где институты служат не ин-

струментом контроля, а платформой для диалога и справедливого распределения ресурсов. Без этого кризисы – от социальной маргина-

лизации до экологической деградации – останутся перманентными, а лозунги устойчивого развития – пустой риторикой.

Список литературы

1. Филин А. Кальма просит защиты // Советская культура. 27 октября 1988. С. 3.
2. Агитаев Е.А. Проблемы занятости населения: этнический аспект // Северные народы России на пути в новое тысячелетие. Сб. документов, статей, воспоминаний и размышлений. М. 2000. С.126–137.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Либроком. 2011. 368 с.
4. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 2019. 692 с.
5. Акопов С.В., Розанова М.С. Идентичности в эпоху глобальных миграций. СПб.: ДЕАН. 2010. 272 с.
6. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Инфра-М. 2010. 560 с.
7. Михельс Р. Железный закон олигархии: Социология политических партий. М.: Мысль. 2000. 416 с.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с.
9. Нуреев Р.М. Институционализм: вчера, сегодня, завтра. М.: Экономика. 2005. 416 с.
10. Павроз А.В. Группы интересов и политические режимы: неинституциональный анализ современной России: дис. ... д-ра полит. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2013. 478 с.
11. Ходжсон Дж. Эволюционная институциональная экономика. М.: Изд-во Института Гайдара. 2012. 576 с.
12. Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989) // <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ОНCHR-1989> (дата обращения: 10.03.2025).

STOROZHUK Mikhail V. – graduate student Russian State Social University, Russia, Moscow, email: info@storozhuk.ru

Keywords: post-Soviet public administration, social engineering of modernization, conflict of tradition and progress, bureaucratic socialization

INTERACTION OF THE STATE WITH THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST. THE THEORETICAL ASPECT

Abstract

The article examines the dynamics of interaction between the Russian state and the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the 1990s–2000s through the prism of the Adizoglu -Robinson theory. According to this theory, the creation of the State Committee for the North can be interpreted as an attempt by the state to legitimize control over the territories of indigenous peoples through the rhetoric of protecting their rights.

Particular attention is paid to the role of the State Committee for the North in the development of federal programs for socio-economic development. The article shows that programs aimed at integrating indigenous peoples into the market economy ignored their cultural specifics, which led to the marginalization of traditional ways of life. This confirms Adizoglu's thesis that state modernization projects often reinforce social inequality, disguising it as progress.

The study of the interaction of the State Committee for the North with other government bodies reveals the mechanisms of bureaucratic socialization (Robinson), where partnership with indigenous peoples became an instrument of symbolic inclusion rather than real dialogue. Legislative initiatives, analyzed through postcolonial optics, are interpreted as the formalization of state domination, where the rights of indigenous peoples were limited to a framework convenient for the resource exploitation of their territories.

References

1. Filin A. Kalma asks for protection // Soviet culture. October 27, 1988. p. 3.
2. Agitaev E.A. Problems of employment of the population: an ethnic aspect // The northern peoples of Russia are on their way to the new millennium. Collection of documents, articles, memoirs and reflections. M. 2000. pp.126-137.
3. Veblen T. Theory of the leisure class. M.: Librocom. 2011. 368 p.
4. Ajemoglu D., Robinson J. Why some countries are rich and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty. Moscow: AST. 2019. 692 p.
5. Akopov S.V., Rozanova M.S. Identity in the era of global migration. St. Petersburg: DEAN, 2010. 272 p.
6. Kryazhkov V.A. Indigenous small-numbered peoples of the North in Russian law. Moscow: Infra-M. 2010. 560 p.
7. Michels R. The Iron Law of the oligarchy: Sociology of political parties. Moscow: Mysl. 2000. 416 p.
8. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Foundation of the economic book "Beginnings". 1997. 180 p.
9. Nureyev R.M. Institutionalism: yesterday, today, tomorrow. Moscow: Economics. 2005. 416 p.
10. Pavroz A.V. Interest groups and political regimes: a neo-institutional analysis of modern Russia: dissertation by Dr. Polit. Nauk. SPb.: Publishing House of St. Petersburg State University. 2013. 478 p.
11. Hodgson J. Evolutionary Institutional Economics. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 2012. 576 p.
12. Convention No. 169 of the International Labour Organization "On Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries" (1989) // <https://www.un.org/ru/documents/treaty/OHCHR-1989> (accessed: 10.03.2025).

Статья поступила в редакцию 12.05.2025.

Принята к публикации 14.06.2025.